

© 2022

Юрий Князев

доктор экономических наук, профессор,

главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: kyuk151@rambler.ru)

МАРКСИЗМ VERSUS МАРЖИНАЛИЗМ

В статье изложены возражения против оценок английского ученого Ф. Уикстида и российского исследователя Р. Капелюшникова теории К. Маркса как якобы ошибочной в сравнении с победившим ее маржинализмом. Автор приводит собственные доводы в доказательство жизненной силы марксизма, давшего комплексную научную критику капитализма и показавшего его эксплуататорскую сущность и историческую обреченность как несправедливого и антигуманного общества.

Ключевые слова: марксизм, маржинализм, Ф. Уикстид, Р. Капелюшников, критика капитализма.

DOI: 10.31857/S020736760018278-4

Статья Р.И. Капелюшникова «Маржинализм и марксизм: первая встреча»¹ вновь обращает нас к, казалось бы, давно утихшему спору сторонников этих двух течений экономической мысли. Этот шаг автора статьи, видимо, объясняется какими-то его личными соображениями, но объективно свидетельствует, на наш взгляд, о неуверенности маржиналистов в своей окончательной победе над марксизмом сегодня, когда капитализм все больше подвержен жестоким испытаниям и идеи Карла Маркса становятся снова популярными во всем мире. Поэтому предпринимаются попытки в очередной раз дискредитировать марксизм, противопоставив ему якобы одержавшую над ним окончательную победу теорию, опровергающую марксистскую научную критику капиталистического строя, а по сути, являющуюся его неприкрытой апологией.

Вышеназванная статья посвящена изложению работы Филиппа Уикстида «“Das Kapital”: a Criticism», опубликованной через семнадцать лет после выхода в свет первого тома «Капитала» и якобы опровергающей теоретические устои марксизма. Обратимся к конкретной аргументации Уикстида и других сторонников маржинализма, на которой строятся их возражения против основополагающих положений марксистской теории.

Неприятие трудовой теории стоимости обосновывается адептами теории предельной полезности разными возражениями против самой возможности измерения меновой ценности товара (или его стоимости) затраченным на его производство человеческим трудом. В частности, они указывают на наличие

¹ Капелюшников Р.И. Маржинализм и марксизм: первая встреча // Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 102–132.

вещей, имеющих большую ценность при обмене, но не являющихся делом рук человека (случайно найденного слитка золота, например), или ценящихся несравненно выше реально вложенного в них труда (подлинных картин древних живописцев). Самым простым ответом на этот довод может быть известное выражение, что исключения лишь подтверждают правило.

Более серьезным доводом против трудовой теории стоимости является ставшее общепринятым утверждение о якобы совершенном Марксом «логическом сальдо», «прыжке» в его рассуждениях, когда он вслед за признанием абстрактного и однородного человеческого труда всеобщей мерой стоимости товара уточняет, что «труд не считается, если он не является полезным» (формулировка Уикстида). С нашей же точки зрения, нет оснований считать это уточнение парадоксальным. Точно так же, как в физике при исчислении работы учитывается только та сила, которая перемещает груз на определенное расстояние (следовательно, сила, толкающая стену, но не сдвигающая ее с места, не учитывается), рынком признается только та часть содержащегося в товаре труда, которая является общественно полезной. Следовательно, произведенный трудом товар, не нашедший сбыта и потому ставший бесполезным для людей, вообще не обладает никакой стоимостью, сколько бы индивидуального труда ни было израсходовано на его изготовление.

Марксистское положение о том, что реальную величину стоимости товара определяет не любой труд, а только общественно необходимый, действительно является ключевым для понимания глубинного механизма функционирования категории трудовой стоимости в рыночной экономике. Эта не логическая, а реальная метаморфоза становится полностью понятной только при чтении третьего тома «Капитала», где рассматривается не просто меновая, а рыночная стоимость, выявляемая как результат реального соотношения между спросом и предложением каждого товара. В первом же томе товар рассматривается только как предмет обмена равных стоимостей в условиях простого (еще не капиталистического) товарного производства, но уже в этом качестве в нем обнаруживаются противоречия, обостряющиеся в развитой капиталистической экономике.

Почему именно труд стал для Маркса той общей субстанцией, которая присутствует во всех товарах и позволяет им обмениваться в определенной пропорции, несмотря на разнообразие их потребительских свойств? Только потому, что он анализировал именно товарное производство, характерное для капитализма, где вещи производятся не для себя, а для обмена с использованием преимуществ разделения труда. Маркс хорошо понимал, что именно труд является стержнем любого товарного производства, будучи создателем любых товаров и основой для их эквивалентного обмена, и поэтому его подход к критике политической экономии капитализма отличается ярко выраженным трудовым монизмом.

Маржиналисты считают, что помимо того, что все товары являются продуктами трудовой деятельности человека, им присуще еще одно общее свойство, состоящее в том, что любой товар, отличающийся от других уникальными потребительскими свойствами, обладает не только конкретной, но также и абстрактной полезностью (полезностью как таковой). Именно это общее свойство товаров отмечает Уикстид и вполне закономерно считает: "...Поэтому нельзя утверждать, что у них не остается ничего общего, кроме единственного свойства быть продуктами труда", ...поскольку свойство быть полезными у них тоже остается. В данном отношении все товары также не отличаются друг от друга»².

Бесполезно гадать, почему Маркс проигнорировал это очевидное общее свойство товаров, подлежащих обмену и потому обладающих полезностью для своих покупателей. Наверное, потому, что в отличие от труда, количество которого поддается измерению разными простыми способами (учитывая длительность трудового акта, его интенсивность и профессиональную сноровку, расходуемую физическую энергию и т.п.), Маркс не знал способа измерения абстрактной товарной полезности, который был найден позже математиками-маржиналистами. Однако то, что каждый товар имеет свою предельную полезность, которая, в конечном счете определяет его цену на рынке, не отменяет действия объективного закона стоимости, основанного на признании абстрактного труда общей субстанцией всех товаров.

Трудовая теория стоимости имеет перед теорией предельной полезности то преимущество, что рассматривает стоимость товара как реальную, теоретически измеримую, но неуловимо изменчивую (а потому практически неосязаемую) субстанцию в отличие от эфемерной абстрактной полезности, у которой даже теоретически нет единицы измерения и которая выявляется только сложными математическими вычислениями. В тех случаях, когда производство не является массовым и обмениваются единичные продукты, нет возможности для формирования цены на основе последнего купленного товара и, следовательно, невозможен расчет предельной полезности. А это значит, что претензия маржиналистов на всеобщность их теории не оправдана: то, что при любом продуктообмене, а не только при обмене товарами, решающую роль играет полезность вещи для покупателя, не означает, что ценообразование всегда происходит по принципу предельной полезности, выявить которую за пределами массового товарного производства не представляется возможным.

При ближайшем рассмотрении разница между трудовой теорией стоимости и теорией предельной полезности не столь велика, как это представляется непримиримым критикам марксизма. Ведь в обоих случаях цены формируются на основе текущего соотношения между спросом на товар и его количественным предложением, а значит, обе теории признают один и тот же

² Цитируется по тексту статьи Капелюшникова, с. 114.

объективный механизм ценообразования. Различие лишь в том, что маржиналисты считают полезность товара для покупателя единственным фактором, влияющим на формирование его цены, а марксисты связывают ценность товара с его трудовой стоимостью, то есть с количеством не фактического, а общественно необходимого (или признанного рынком) всеобщего (в смысле — не конкретного) человеческого труда.

Маржиналистам все равно, каков внутренний механизм формирования стоимости, они созерцают процесс обмена и просто констатируют свершившийся факт, объясняя его чисто внешними обстоятельствами. Для Маркса же труд является основой производства и квинтэссенцией товара. Поэтому он связывает его стоимость именно с трудом и прослеживает трансформацию этой основополагающей категории от простого товарного производства, где живой труд играет главную роль, а средства труда пренебрежительно малы, до оснащенной станками и машинами фабрики, где стоимость модифицируется в цену производства, а затем до расширенного воспроизводства в общеэкономическом масштабе и формирования рыночной стоимости с учетом спроса и предложения. Не удивительно, что эти стоимостные «хитросплетения» непонятны математически мыслящим людям, но именно они объясняют суть экономических процессов. Цена товара является превращенной формой стоимости, отличающейся от последней тем, что она формируется под воздействием множества других особенностей рыночных процессов и чисто субъективных факторов, какими являются индивидуальные вкусы и предпочтения покупателей, ухищрения продавцов, не говоря уже о таком сложном феномене как платежеспособный спрос, который ставит само понятие полезности товара для конкретного потребителя в зависимость не от его индивидуального желания и объективной нужности для него, а от располагаемых им денежных средств. Всеми этими тонкостями пренебрегает теория предельной полезности, которая концентрируется на обмене и концептуально не прослеживает его связь ни с производством, ни с потреблением. В отличие от этого Маркс исходит из основополагающей роли труда в любом производстве и тем более в капиталистическом, где все возрастающее значение получает не только живой, но и опредмеченный, прошлый труд, содержащийся в орудиях производства и используемом сырье, а также интеллектуальный труд, создающий технологические и управленческие инновации. Все эти виды труда учитываются при определении издержек производства, за вычетом которых формируется, как сегодня говорят, добавленная стоимость. И сама экономическая эффективность представляет собой не что иное, как процесс экономии труда во всех его видах и на всех стадиях воспроизводственного процесса. Именно трудовые затраты фактически учитываются в экономических расчетах, а не предельная полезность, не имеющая единицы измерения.

Но если в вопросах рыночного ценообразования маржинализм и марксизм не расходятся принципиально, то все меняется при рассмотрении других, более острых проблем капиталистического способа производства. Непримируемость двух школ проявляется, прежде всего, в разном понимании наемной рабочей силы.

По Марксу, рабочая сила наемного работника, который предлагает ее капиталисту на рынке труда, также является товаром и, следовательно, имеет свою рыночную стоимость. Основываясь на бесспорном факте, что «в современных условиях заработная плата работников простого физического труда стремится к уровню, едва достаточному для выживания их самих и их детей» (на этом, по словам Уикстида, сходятся экономисты практически всех школ)³, Маркс объясняет его тем, что при найме работника капиталист стремится покупать его рабочую силу по цене, близкой к ее стоимости, равной минимальным затратам на воспроизводство этой рабочей силы. Эти затраты не могут быть ниже стоимости продуктов питания, одежды и других минимальных жизненных средств, необходимых для выживания работника и членов его семьи, так как в противном случае на рынке труда некому было бы предложить свою рабочую силу. Работник, естественно, стремится получить за свою рабочую силу как можно больше ее минимальной стоимости, но ограничен в своих претензиях наличием чрезмерно высокого предложения со стороны множества желающих найти работу, составляющих постоянную армию безработных. Цена рабочей силы (заработная плата) устанавливается в конце концов на каком-то договорном уровне, но она не может намного оторваться от минимального уровня именно в силу постоянного превышения массового предложения рабочей силы над ее спросом со стороны ограниченного числа капиталистов.

Это строго логическое объяснение в общепринятых рыночных терминах почему-то игнорируется Уикстидом, утверждающим, что «де-факто Маркс ограничивается тем, что просто постулирует равенство ценности рабочей силы количеству труда, заключенному в определенном наборе средств существования, но никак это равенство не объясняет»⁴. Возможно, такое странное заключение обязано тому, что автор смог ознакомиться с материалом только первого тома «Капитала» и не знал о существовании рыночной стоимости, о которой говорится в третьем томе, но вся логика рассуждений Маркса исходит из постулата о том, что на рынке обмениваются товары равной стоимости и субстанцию этой стоимости составляет труд, затраченный на ее создание. Коль скоро наемный работник реально получает в результате своего труда мизерную зарплату, то именно она выражает подлинную стоимость его рабочей силы.

Заявляя, что у Маркса якобы нет никакого объяснения, почему стоимость рабочей силы равна стоимости минимальных средств существования

³ Капелюшников Р.И. Маржинализм и марксизм: первая встреча // Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 121.

⁴ Там же. С. 123.

работника, и упрекая его в том, что он не предлагает никакого альтернативного мальтузианству объяснения бедности, маржиналисты сами обходят молчанием этот острый социальный вопрос. Маркс же не только констатирует этот общеизвестный факт, но и объясняет его происхождение тем, что наемные работники получают оплату лишь за часть своего труда, равную, по современной терминологии, прожиточному минимуму, а остальное время он трудится бесплатно, и результаты этого дополнительного труда присваиваются капиталистом в виде прибавочной стоимости. Именно этот механизм капиталистической эксплуатации не желают признавать маржиналисты, когда вопреки очевидным фактам подвергают сомнению марксову трактовку, объясняющую относительно низкую стоимость специфического товара — рабочей силы. Это недвусмысленно подтверждает в своей статье и сам Капелюшников: «Но неопределенность ценности рабочей силы означает неопределенность прибавочной ценности, величина которой определяется по остаточному принципу. Ни ценность рабочей силы, ни прибавочная ценность не получают, таким образом, реального объяснения. Как следствие, смысловое ядро всей конструкции — идея эксплуатации труда капиталом — лишается опоры и повисает в воздухе»⁵.

Человеку, не знакомому с полным текстом «Капитала», простительно, на основании только вступительных мыслей Маркса о простом товарном производстве, где еще отсутствует механизм ценообразования на основе взаимодействия спроса и предложения, выносить следующий вердикт: «Маркс не выявил никакого имманентного закона капиталистического производства, согласно которому человек, покупающий рабочую силу по ее ценности, извлекал бы из ее потребления прибавочную ценность (Wicksteed. 1884. Р. 409)». Но непростительно игнорировать это современному ученому, имеющему возможность ознакомиться с полной концепцией Маркса в ее логическом и историческом развитии. Сознательное нежелание разобраться в существе дела вместо подтасовки элементарных понятий по незнанию или преднамеренно действительно привело к тому, что «марксистская теория была отнесена за границы академической экономической науки и оказалась вынуждена влачить существование в виде гетеродоксальной школы, малоинтересной для профессионалов»⁶. Однако ни эта радостная для Капелюшникова констатация, ни приведенные им аналогичные высказывания многих маститых ученых не означают, что марксизм потерпел окончательное поражение.

Что это не так, свидетельствуют непредвзятые суждения современных авторов. Сошлемся на оценку наследия Маркса, данную в книге австрийского ученого Х.Д. Курца «Краткая история экономической мысли»: «Ни один другой экономист-философ не оказал такого же мощного влияния на мышление

⁵ Там же. С. 125.

⁶ Там же. С. 129.

людей»⁷. Рецензируя эту книгу, А.А. Мальцев и А.Г. Худокормов отмечают: «...Прочитав главу о Марксе, читатели смогут освежить знания о содержании теории прибавочной стоимости, насладиться элегантною трактовки марксистских рассуждений о простом и расширенном воспроизводстве, а также узнать, какое влияние на умонастроение основоположников марксизма оказала стремительная индустриализация США во второй половине XIX века»⁸.

Марксизм дал пока единственное научное объяснение вопиющей социальной несправедливости капиталистического общества. Можно спорить лишь о степени этой несправедливости, о том, прав ли был Маркс, говоря об абсолютном или относительном обнищании трудящихся, о современной трактовке неравенства, но что это неравенство и дефицит справедливости действительно имманентны капитализму как общественно-экономической системе, мало у кого вызывает сомнение. Капитализм неуклонно движется к своему закату, который обязательно наступит как по объективным причинам, так и вследствие неприятия абсолютным большинством человечества его антигуманной сущности.

Yuriy Knyazev (e-mail: kyuk151@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Chief Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

(Moscow, Russia)

MARXISM VS. MARGINALISM

The paper contains objections by F. Wicksteed, an English scholar, and R. Kapelyushnikov, a scholar from Russia, against K. Marx's theory which is considered by both as erroneous in comparison with triumphant marginalism. The author gives his own arguments to prove a vital force of Marxism which has offered a complex scientific criticism of capitalism, and shown the exploitative nature and historical doom of the latter as an unfair and inhumane society.

Keywords: Marxism, marginalism, F. Wicksteed, R. Kapelyushnikov, criticism of capitalism.

DOI: 10.31857/S020736760018278-4

⁷ Курц Х.Д. Краткая истории экономической мысли // М.: Изд-во Института Гайдара. 2020. С. 97.

⁸ Мальцев А.А., Худокормов А.Г. Новая жизнь старых идей // Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 139.